

15 ИЮНЯ 1965 г.

ТЕАТР

ПАРТЕР, РЯД СЕМНАДЦАТЫЙ...

ВСЕ СТИХЛО. Пошел занавес, и девочки, сидевшие сзади, часто-часто задышали над моим ухом. Так мы и смотрели спектакль — две юные студентки здешнего фармацевтического техникума и я, приехавшая в Архангельск, кстати, вовсе не для того, чтобы ходить в театр.

Но быть в новом для себя городе и не побывать в театре невозможно. Неуловимые ниточки ведут сюда: в беседах, спорах, даже в привычках и манерах жителей обязательно так или иначе присутствует, участвует театр.

Известное сравнение театра со вторым университетом вспоминается в городе с одним-единственным театром чаще, чем в столице. Ответственность театра здесь, по-моему, много больше: юные студентки, что недавно приехали в Архангельск из далеких деревень и скоро опять туда вернуться, могут и не до конца разобраться в том, что им преподносят со сцены. Но именно доверчивость, незащищенность такого зрителя должна вырабатывать в театре необычайную требовательность к себе. Ведь девочки возвращаются домой в другом качестве, сами уже воспитатели, носители культуры, так что получается цепная реакция...

Но уже звенят звонки, гаснет свет... Стюардесса Наташа Александрова и физик Электрон Евдокимов («104 страницы про любовь») знакомятся в кафе... Наташу играет М. Гончарова. Ясный, чистый лоб, открытое, спокойное лицо, медленная, достойная манера держаться. Но этого мало для Наташи... Живой нерв вынут; рослая и красивая стюардесса начинает нагонять тоску сначала флегматичностью, а затем и полной декоративной статичностью своего существования на сцене. А может, ее доводит до такого состояния Евдокимов, который ей «достался»? «Для иллюзии всегда нужен партнер», как говорится в пьесе.

Не хочу сказать дурного слова об актере, играющем Евдокимова, — весьма вероятно, что он читает Вергилия в подлиннике и окончил три университета. Но мыслить на сцене — это ведь особый и — увы — редкий дар! Здесь же непосильной оказалась задача сыграть хотя бы просто думающего человека. Вот и выходит на сцену этакий демонический сердцеед, место ему — в каком там НИИ! — в лучшем случае за прилавком гастронома, а после работы — на танцплощадке, где все еще имеют успех и томный шепот, и галантерейная эрудиция. Он и садится бочком, как опереточный тенор, и р-р-ревнует доходчиво, и пробор его блещит вполне неотразимо...

Пошлость на подмостках человеку искусственному противна, и только. Девочкам из семнадцатого ряда она опасна. Ибо фат с проборчиком будет незримо присутствовать на их первых свиданиях, он будет сильно виноват, если какой-нибудь Эдик с танцплощадки покажется моим соседкам героем и красавцем. А что? Эдик тоже не прочь многозначительно намекнуть на «очень научную работу» и на некие таинственные «опыты». Произносит для шика разные умные слова: «функция дельта-джи», «аксиал», «эбселент», а сам смотрит, как бы обнять половчее, — вот и вся кибернетика.

Стоит ли говорить, что важные и большие мысли о том, как обесценивается порой то, что нельзя обесценивать, о той эмоциональной упрощенности (при усложненности интеллектуальной жизни), какая сейчас нередко наблюдается, при таком Евдокимове остаются где-то за кулисами... Начинается явный перекосяк.

СПЕКТАКЛЬ, сходящий со сцены, — зрелище тяжкое. Я видела «В день свадьбы», октябрьскую премьеру, работу главного режиссера В. Терентьева. Играли хорошие актеры, но все развалилось на глазах, и никакой возможности представить себе, каким был спектакль в первые дни, зрителю не оставалось. Беспорывно, невзирая на то, днем ли, ночью ли происходило действие, на сцене горел ровный «театрально-никакой» свет. Василий, невольный страж тайного свидания, грубовато говорил: «Учи вас!» и вывертывал лампочку, чтоб было потемнее. А потемнее не становилось. Так, в ровном мертвом свете и шло объяснение.

Увы! — безразличный, «никакой» свет был не просто досадной мелочью, а словно символом всего вокруг. Ибо и Рита, и Николай, и Майя, и Менандр были тоже никакие. Ходили, внятно подавали реплики...

Выгодно отличался, пожалуй, только молодой Г. Болотов (Михаил Заболотный). Именно ему удалось если не преодолеть, то приостановить на миг катастрофическое движение под гору, которое началось в спектакле чуть ли не с первых реплик. ...Выпала такая тихая минута. Стояли двое — Михаил и Клава — и говорили о любви рвущими душу словами. Это была краткая, страстная, целомудренная, бережная — огромная любовь. Болотов и В. Кириллова совершили чудо, пусть минутное, но незабываемое. Они здесь стали на миг выше самих себя, потому что хотели сказать, как может быть хорош человек, когда огромная любовь входит в его жизнь. Разве не ради таких минут существует театр?

Кажется, режиссеру вообще ближе всего те сцены в пьесе, где можно вдруг погрузить все в эту чуткую тишину и послушать стук сердца... Потому-то в финале не веселятся хохочущие гости, не грохочет невольный невеста. Розова переделала. Спектакль кончается в мертвом молчании, в оцепенении стоит Нюра — М. Гончарова, только что твердо и тихо (тихо!) отпустившая жениха, медленно уходит Михаил, в глубокой задумчивости и глубоком изумлении сидят за столом гости...

Наверное, это был хороший спектакль. Но чем же мы, попавшие на 50-е, 60-е представление, хуже счастливых, которые заставили его в той ранней поре?

Моим девочкам, которые искренне вздыхали в наиболее «переживательных» местах, очень не повредило бы, например, многие мотивы, непосредственно к проблеме «треугольника» не относящиеся. Все-таки, по-моему, «В день свадьбы» — пьеса о совести. О справедливости. Об ужасах размеренной, налаженной, такой благополучной с виду «жизни во лжи». О непростительности эгоизма... Увы, такого разговора не состоялось.

ПРИНЯТО говорить о том, как вырос зритель и как много надо работать актерам, чтобы стать вровень с ним. Действительно, от многих, вполне «рядовых», просто более искусственных, чем мои девочки, людей я слышала очень строгие претензии к театру вообще и к отдельным исполнителям в частности. Архангельцы при случае и в редакцию

могут написать свое суровое мнение, и просто наказать неудачный спектакль полным к нему невниманием. Да и в газетных рецензиях последнее время особых восторгов по поводу новых работ театра не выражается, даже наоборот.

Но зрители, о которых я хлопоту, в общем-то всем довольны. Они дружно аплодировали — чего же боле? На третьем спектакле — «Чти отца своего» — было больше пожилых и меньше молодежи. И опять — полное удовольствие очень большой части публики. «А спектакль плохой», — печально-сочувственно говорит критик. «А публике нравится», — возражает театр. И этот спор не менее вечен, чем спор Ромео и Джульетты о жаворонке и соловье. Ну что же здесь можно сказать? «Будь недоволен собой, даже когда тобой довольна публика»? Но почему-то очень часто это принимается всего лишь за риторический, от живой практики театра далекий тезис.

«Чти отца своего» — средний спектакль. Крепко сколоченный, вполне профессиональный, грамотный (режиссер Ю. Авдеев), без провалов и срывов, но и без взлетов, без озарений — вот такой он получился. Здесь собрались вместе актеры того возраста, что обычно называют средним и старшим поколением, и словно смотр этой части труппы получился (молодежь была занята в основном в «Параллели» — в «Ста четырех страницах»). Колоритны Б. Горшенин и А. Арифметиков. Юная Евстолия (Р. Лобрева) — вся, как струнка, натянута и звенит чистым голосом. И остальные актеры делают все, «как положено». Но такая в их «разъяснительных» интонациях, в их добросовестном равнодушии сквозила механистичность, что холодно становилось.

Зритель испытывал удовлетворение скорее от самого факта присутствия в театре, чем от спектакля. Это, между прочим, немало-важное обстоятельство: в областном городе не такой уж большой выбор для человека, стремящегося, что называется, к «культурному досугу». Он так или иначе придет в театр, где чисто, светло, нарядная публика, — вот тут ты его и хватай, голубчика, пусть не просто в уютном кресле сидит три часа, пусть мыслит, волнуется.

Здесь же актеры «поигрывали», мы «посматривали».

Кроме всего прочего, приходилось верить, что грузные мужчины — это молодые люди, а иные и вообще мальчишки, а усталые, флегматичные женщины — этикие резвухи и тоже молодые. И когда зритель соглашался «не заметить» досадных несоответствий, ему не компенсировали эту работу воображения тем единствениым, что ее могло компенсировать, — вдохновением.

Но в результате трех действий и пяти картин ему так или иначе объяснили, что хорошо, а что дурно, и, очевидно, какую-то воспитательную работу проделали.

ТРИ ВЕЧЕРА в театре... Три спектакля, где действующие лица — современники, товарищи, сослуживцы тех, что сидят в зале. Театр в общем-то, конечно, учит зрителей жизни. Но он учит жить, как живет сам: тихо, спокойно, без причуд. Обыкновенно.

В жизни, к счастью, есть еще волшебство. Есть глубокие раздумья, святое недовольство собой, есть риск и радость порыва. Предположим, где-нибудь и можно не заметить всего этого, жить как живется, может быть, есть такие места на свете? Какая-нибудь тихая артель, спокойная контора? Но не театр, нет! Театр не имеет права на будничность.

Г. УЖОВА.
АРХАНГЕЛЬСК — МОСКВА.